

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Конституционная идентичность стран Вышеградской группы и России: сравнительно-правовое исследование

Олег Белослудцев, Сергей Бухмин*

В статье рассматриваются особенности формирования концепции конституционной идентичности в странах Вышеградской группы и России. Обосновывается тезис о том, что генезис идентичности в этих странах был связан преимущественно с внешними причинами. Разработка доктрины была направлена на то, чтобы смягчить последовательную программу интеграции правового пространства Европейского Союза, стабилизируя политические системы государств-членов в условиях меняющейся правовой реальности. В связи с этим были выявлены дополнительные аргументы в пользу приоритета национальной конституции и отказа от безусловного превосходства права ЕС. Проведён анализ факторов, оказавших значительное влияние на формирование доктрин конституционной идентичности в странах Вышеградской группы. В статье утверждается, что, несмотря на различия в формулировках, конституционные суды стран Вышеградской группы применяют схожие подходы к определению и выявлению конституционной идентичности. Отличительной чертой судебных доктрин рассмотренных стран является их защитная направленность, акцент на верховенстве национальных конституций и суверените, а также особый подход к пониманию содержания источников конституционной идентичности. Реализация «внутренней» функции конституционной идентичности либо слабо акцентирована (Чехия и Словакия), либо вовсе отсутствует (Польша, Венгрия, Россия). В этой части у всех рассматриваемых стран имеется значительный потенциал для развития доктрины. Все указанные страны объединяет твёрдая позиция по признанию абсолютного примата национальных конституций. Соответственно, издание правовых актов или принятие решений, противоречащих конституции, является недопустимым. Передача суверенных полномочий по пересмотру и изменению любых положений конституции категорически исключается. В отсутствие конструктивного диалога на основе сотрудничества юрисдикций эти государства готовы к диалогу только при условии учёта их культурно-исторической специфики и национальной идентичности. Кроме того, в статье обосновывается вывод о том, что изучение опыта стран Вышеградской группы может быть полезным для России. Он позволяет выявить общие черты, свойственные конституционным идентичностям этих государств.

DOI: 10.21128/1812-7126-2025-2-141-162

→ Конституция; конституционная идентичность; национальная идентичность; контроль идентичности; конституционный суд; историческая конституция; материальное ядро конституции; имплицитное материальное ядро; суверенитет; контроль *ultra vires*

* Белослудцев Олег Станиславович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического института Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия (bos.retm@yandex.ru); Бухмин Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия (sbukhmin@yandex.ru).

1. Введение

В последнее время мы становимся свидетелями интенсификации различных конституционных реформ и преобразований, причём вектор конституционного развития в различных странах может иметь свои особенности (в зависимости от местных обстоятельств — политических, экономических, культурных, религиозных и других). Несмотря на многообразие подходов, все модели конституционной идентичности объединяет общая цель — разработка действенного механизма для защиты ключевых элементов национальных конституций («базовых структур») и обоснование необходимости их защиты от нежелательных изменений¹. Для науки конституционного права, в частности сравнительного конституционного права, представляет интерес конституционный опыт стран Вышеградской группы. Выбор этих стран обусловлен тем, что их судебные доктрины представляют собой малоизученное явление. Их опыт может быть полезен для развития отечественной доктрины конституционной идентичности, особенно в свете принятия поправок к Конституции 2020 года, которые актуализировали вопрос об исторической самоидентификации России как конституционного государства, особенно в части защиты «традиционных ценностей».

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности процесса формирования конституционной идентичности стран Вышеградской группы². Хотя существует множество исследований, посвящённых конституционным системам отдельных стран этого региона, комплексных работ, анализирующих основные факторы, влияющие на конституционную идентичность, крайне мало. Это затрудняет понимание специфики конституционного развития региона и его места в глобальной конституционной системе. Несмотря на принадлежность к одному региону и наличие некоторых общих черт, каждая страна Вышеградской группы имеет свои уникальные особенности, которые влияют на восприятие и реализацию в ней концепции конституционной идентичности. Поэтому необходимо провести исследование, которое позволило бы выявить эти особенности и определить их влияние на современное состояние конституционного права.

В качестве методологической основы данного исследования используется сравнительно-правовой метод. Этот подход занимает центральное место в современной правовой науке, позволяя выявлять общие закономерности развития права и учитывать специфику национальных правовых систем. Особую значимость сравнительно-правового метода для отечественной конституционно-правовой науки отмечал известный российский учёный-юрист Владимир Александрович Туманов. В своих трудах он акцентировал внимание на том, что применение сравнительно-правового анализа даёт возможность российским исследователям и практикам обогащаться знаниями о том, как схожие правовые проблемы разрешаются в других странах³. По мнению В. А. Туманова,

¹ Конституционная идентичность представляет собой совокупность наиболее значимых положений и принципов, закреплённых в тексте конституции государства («основные структуры»), которые выражают существенные характеристики конституционного строя и обеспечивают его институциональную стабильность и преемственность.

² В странах Вышеградской группы, в отличие от доктринальных подходов, характерных для Германии и Италии, концепция конституционной идентичности трактуется в более широком и комплексном смысле. Она включает не только позитивный компонент — так называемое материальное ядро конституции или «основные структуры», охватывающие фундаментальные положения конституционного текста, но и неформализованные культурно-исторические элементы, тесно связанные с национальной идентичностью и исторической самобытностью конкретного государства.

³ См.: Туманов В.А. О сравнении разнотипных правовых систем // Туманов В.А. Избранное. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. С. 570–578.

такой подход не только способствует более глубокому пониманию особенностей национального законодательства, но также открывает перспективы для его совершенствования путём заимствования наиболее эффективных решений из зарубежного опыта.

Следует отметить, что сравнительно-правовой анализ конституционной идентичности нескольких стран требует комплексного подхода, включающего изучение их истории, политики и, конечно же, права.

2. Венгрия

Генезис доктрины конституционной идентичности в Венгрии был тесно связан с конфликтом двух юрисдикций — общеевропейской и национальной, спором о праве «последнего слова». Этот конфликт имел определённую политическую предысторию, непосредственно связанную с борьбой правительства Венгрии против политики представления убежища и распределения беженцев в Европейском Союзе⁴. Предложенный Европейской комиссией спорный механизм «справедливого» перераспределения нелегальных мигрантов через систему квотирования вызвал противодействия со стороны Венгрии. Эта разногласия резко актуализировали запрос на защиту конституционного строя от нежелательных трансформаций, то есть на концептуализацию конституционной идентичности. В целом обстоятельства появления доктрины конституционной идентичности Венгрии не являются уникальными и характерны для многих стран (политический фактор генезиса). Так, влияние политических факторов на конституционные трансформации отмечали многие исследователи, например Марк Ташнет и Кит Уиттингтон⁵. Конституционная идентичность в случае Венгрии выступает в качестве защитного механизма против решения ЕС о квотах на беженцев⁶.

Конституционный суд Венгрии сыграл ключевую роль во внедрении и развитии доктрины конституционной идентичности Венгрии. В своём судьбоносном решении от 30 ноября 2016 года Суд вводит понятие конституционной идентичности, а также механизм контроля идентичности (это два теста — *sovereignty review* и *identity review*)⁷. В этом обширном постановлении органа конституционной юстиции особый интерес для

⁴ С августа по ноябрь 2015 года институты Европейского Союза (Комиссия и Совет ЕС) разработали и начали реализовывать программу по преодолению так называемого кризиса с беженцами, включающую особый механизм квотирования и перемещения беженцев (англ.: *a crisis relocation mechanism*). Её целью было «справедливое» перераспределение беженцев с Ближнего Востока между странами ЕС. Венгрия наряду с Германией стала страной-рекордсменом по числу потенциальных соискателей убежища (по данным Евростата, только в 2015 году поступило 174 тыс. заявлений). См.: *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a crisis relocation mechanism and amending Regulation (EU) No. 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third country national or a stateless person*. Document ST 11843/15 ASIM 79 CODEC 1167 // Parlament Österreich. URL: <https://www.parlament.gv.at/gegenstand/XXV/EU/82139> (дата обращения: 05.05.2025).

⁵ См.: *Tushnet M. Why the Constitution Matters*. New Haven, CT : Yale University Press, 2010; *Whittington K.E. Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999.

⁶ См.: *Drinóczki T. Constitutional Identity in Europe: The Identity of the Constitution. A Regional Approach* // *German Law Journal*. Vol. 21. 2020. No. 2. P. 105–130, 109.

⁷ Тест идентичности *sovereignty review* используется для защиты «базовых структур» конституции, а тест *ultra vires* — для защиты от произвольного толкования Договора в сфере полномочий органов и учреждений ЕС (наделения полномочиями, прямо не предусмотренными Лиссабонским договором). См.: *Constitutional Court of Hungary. AB on the Interpretation of Article E) (2) of the Fundamental Law*. Decision 22/2016 (XII.5) of 30 November 2016.

нашего исследования представляет, прежде всего, дефиниция конституционной идентичности.

Так, несмотря на многочисленные отсылки к конституционному опыту Германии и Италии, Конституционный суд Венгрии развивает достаточно специфическое понимание *identity*. В разделе, посвящённом *identity review*, Суд определяет её как «самоидентификацию Венгрии, базирующуюся на Основном законе и отдельных его положениях, в соответствии с национальным наследием и достижениями нашей исторической Конституции»⁸.

В данной дефиниции присутствуют несколько ключевых особенностей, которые отличают её от традиционных подходов к определению конституционной идентичности. Так, используемая Судом формулировка о том, что идентичность Венгрии базируется «на Основном законе и отдельных его положениях» указывает на то, что к источникам идентичности может быть отнесено потенциально любое положение Конституции Венгрии. Однако, например, классический германский подход к дефиниции конституционной идентичности предполагает особую защиту только в отношении определённых, особо важных положений конституции — «базовых структур» конституции Германии. В случае Германии под «базовыми структурами» понимаются правовые принципы, лежащие в основе раздела об основных правах Основного закона (принцип уважения и защиты прав человека и принцип демократии, закреплённые в статьях 1 и 20 Основного закона)⁹. В итальянской судебной доктрине используется аналогичный подход к определению идентичности конституции¹⁰.

Ещё более важной отличительной чертой дефиниции является использование при конструировании конституционной идентичности Венгрии особых компонентов, не связанных с материальной конституцией (и непосредственно связанных с национальной идентичностью Венгрии). В первую очередь это относится к признанию «исторической Конституции» частью конституционной идентичности наряду с Основным законом. Под исторической конституцией Венгрии обычно понимают конституционные традиции, имеющие глубокие исторические корни («древние свободы», «Золотая булла», «законы Святого Иштвана», «Триpartitum», «Апрельские законы» и т.д.)¹¹. Упоминание исто-

⁸ Constitutional Court of Hungary. *AB on the Interpretation of Article E* (2) of the Fundamental Law. § 64.

⁹ В немецкой судебной доктрине понятие конституционной идентичности сформулировано достаточно строго (Федеральный конституционный суд Германии соотносит конституционную идентичность с «основными структурами» Конституции, под которыми он понимает «правовые принципы, лежащие в основе раздела об основных правах Основного закона»). По мнению Суда, они «являются неотъемлемыми» и относятся к «основополагающим функциям действующей конституции, являются её существенными элементами». Важно отметить, что Федеральный конституционный суд Германии не включает в содержание конституционной идентичности национальный, религиозный или идеологический компонент, указывая в качестве её источника конкретный раздел конституции. См.: BVerfG. *Solange I*. Beschluss des Zweiten Senats vom 29. Mai 1974. Bd. 37. S. 271; BVerfG. *Lissabon*. Urteil des Zweiten Senats vom 30. Juni 2009 aufgrund der mündlichen Verhandlung vom 10. und 11. Februar 2009. Bd. 123. S. 267.

¹⁰ Конституционный суд Италии в деле *Frontini* также достаточно строго подходит к формулировке конституционной идентичности Италии. Понятие конституционной идентичности связано с «высшими ценностями», на которых основана конституция (это «основополагающие принципы конституционного строя и неотчуждаемые права человека»). См.: Constitutional Court of Italy. Sentenze n. 183/73 del 18 dicembre 1973; Sentenze n. 1146 del 15 dicembre 1988.

¹¹ В Венгрии легитимность политической власти в течение многих веков основывалась на доктрине Святой короны, и во многом это всё ещё живая традиция. См.: Radnóti S. A Sacred Symbol in a Secular Country: The Holy Crown // Constitution for a Disunited Nation: On Hungary's 2011 Fundamental Law / ed. by G. A. Tóth. Budapest : CEU Press, 2012. P.85–109; Hörcher F. Is the Historical Constitution of Hungary Still a Living Tradition? A Proposal for Reinterpretation // The Concept of Constitution in the History of Political Thought / ed. by A. Górnisiewicz, B. Szlachta. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. P.89–112.

рической конституции связано с переосмыслением собственной конституционной истории после обретения Венгрией независимости¹². Особая важность исторической конституции проявляется в том, что она упомянута и в преамбуле Основного закона. Оценки значения исторической конституции Венгрии в литературе сильно разнятся от вполне благожелательных до крайне отрицательных — «националистическая, самооборонная идеология... не совместимая с минимальными требованиями современного конституционализма»¹³.

Важно отметить, что историческая конституция — это совокупность устоявшихся конституционных традиций, связанных с важнейшими вехами конституционной истории венгерского государства. В таком виде концепция исторической конституции будет мало чем отличаться от исторической конституции Великобритании (где неписаные конституционные обычаи, многие из которых восходят ещё к Славной революции 1688 года, являются неотъемлемым компонентом некодифицированной конституции). Среди венгерских конституционалистов есть принципиальные разногласия по вопросу существования связи между исторической конституцией и Основным законом. Так, одна группа учёных указывает на подлинную связь между исторической конституцией и Основным законом (между ними существует преемственность, а историческая конституция является неотъемлемой частью венгерской конституции наряду с Основным законом). Этой позиции придерживается, например, судья Конституционного суда Венгрии Аттила Хорват, а также такие учёные, как Йожеф Сайер, Лорант Цинк и Йоханна Фрелих¹⁴. Однако есть и другая точка зрения. Так, характеризуя позицию противников использования концепции исторической конституции Имре Бёрёш отмечает, что историческая конституция «не имеет никакого значения... и совершенно непонятна для конституционалиста 21 века». Он также добавляет, что концепция исторической конституции остаётся неопределенной «и поэтому может быть применена к чему угодно»¹⁵. С нашей точки зрения, более справедливой является взвешенная оценка, предложенная Ласло Шойомом (первым председателем Конституционного суда Венгрии, занимавшим этот пост с 1990 по 1998 год). По его мнению, историческая конституция — это гибкая концепция, позволяющая адаптироваться к изменчивым обстоятельствам, то есть её неопределенность является скорее достоинством концепции. В этом контексте неписаные и кодифицированные элементы конституции не только сосуществуют, но и взаимно дополняют друг друга¹⁶. Кроме того, он рассматривает практику Конституционного суда Венгрии как часть исто-

¹² См.: Bard P., Chronowski N., Fleck Z. Inventing Constitutional Identity in Hungary: MTA Law Working Papers. 2022. June. URL: <https://jog.tk.hun-ren.hu/mtalwp/inventing-constitutional-identity-in-hungary> (дата обращения: 05.05.2025).

¹³ Tóth G.A. Lost in Transition: Invisible Constitutionalism in Hungary // The Invisible Constitution in Comparative Perspective / ed. by R. Dixon, A. Stone. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P.541–562, 562.

¹⁴ См.: Horváth A. „Nem ismerjük el az 1949. évi kommunista alkotmányt, mert egy zsarnoki uralom alapja volt, ezért kinyilvánítjuk érvénytelenségét“ // Rendhagyó kommentár egy rendhagyó preambulumról / szerk A. Patyi. Budapest : Dialóg Campus Kiadó, 2019. P.403–486; Horváth A. History of Doctrine of the Holy Crown // The Hungarian Holy Crown and the Coronation Regalia / szerk. E. Tóth. Budapest : Országház Könyvkiadó, 2021. P.429–447.

¹⁵ Vörös I. Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years // Südosteuropa. Vol. 63. 2015. No. 2. P.173–200, 186.

¹⁶ См.: Sólyom L. Az alaptörvény két fajtája: a történeti és a kartális alkotmány. 2012. URL: <https://jak.ppke.hu/uploads/articles/512112/file/Az%20alkotmány%20két%20fajtája%2020141205.docx> (дата обращения: 05.05.2025).

рической конституции (с такой позиции историческая конституция выступает, по сути, дополнительным средством толкования Основного закона).

Понятие исторической конституции Венгрии вызывает определённые трудности в интерпретации. Оно одновременно является частью конституционной идентичности, как и Основной закон, и тесно связано с национальной идентичностью страны. Однако «национальная идентичность» и «историческая конституция» — это не совпадающие понятия. С одной стороны, историческая конституция упоминается в преамбуле Основного закона Венгрии. Это подтверждает, что данное понятие не только правовое, но и символическое, отражающее национальную идентичность венгерского народа и важное для его самосознания. С другой стороны, концепция исторической конституции остаётся неопределенной и может использоваться в разных целях. Такая неопределенность означает, что концепция не всегда четко отражает конкретные конституционные или национальные ценности — скорее это гибкий инструмент, который можно интерпретировать по-разному. Исходя из этого, трудно однозначно утверждать, что «историческая» и «национальная» идентичность — это одно и то же. Историческая конституция является важным компонентом конституционной идентичности, который включает в себя элементы, связанные с историческим опытом Венгрии. Однако она не является полным аналогом национальной идентичности, поскольку последняя охватывает гораздо более широкий спектр факторов и ценностей, включая культуру, язык и традиции, которые выходят за рамки юридических понятий.

В целом, если учитывать все особенности конституционной идентичности Венгрии, её можно характеризовать как специфичную концепцию, основанную на своеобразном соединении национальной и конституционной идентичностей. Такой вывод позволяет сделать правовой анализ содержания конституционной идентичности, так как помимо позитивного (положений конституции) компонента она включает в себя также и ряд нематериальных компонентов, находящихся в тесной связи с национальной идентичностью. Следует отметить, что соединение (или даже смешение) двух идентичностей совершенно нехарактерно для концептуализации конституционной идентичности в таких странах, как Германия и Италия (основанных на «базовых структурах» конституции). В связи с этим многие учёные настаивают на недопустимости или даже ошибочности такого определения конституционной идентичности. Например, Тимеа Дриноци настаивает на более строгой (германской) интерпретации данного термина, отмечая, что она выглядит предпочтительней, так как основана на конкретных положениях конституции, «имеет реальное позитивное содержание»¹⁷. В научных дебатах о проблеме definicijii конституционной идентичности Венгрии значительная часть исследователей поддерживают позицию о необходимости строгой концептуализации данного понятия. Так, схожей точки зрения придерживаются Элке Клотс¹⁸ и Е. А. Лукьянова¹⁹, резко выступая против соединения двух идентичностей.

С нашей точки зрения, любая конституционная идентичность должна строиться с учётом местных особенностей конституционного развития страны, а упоминание национальных, религиозных и идеологических компонентов при концептуализации консти-

¹⁷ Drinóczki T. Op. cit. P. 119.

¹⁸ См.: Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU // Netherlands Journal of Legal Philosophy. Vol. 45. 2016. No. 2. P. 82–98, 98.

¹⁹ См.: Лукьянова Е. А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 130–147, 133. Здесь и далее: Лукьянова Елена Анатольевна признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

тиционной идентичности может быть вполне оправданной практикой, основанной на политической культуре и традициях конкретного государства.

3. Польша

Появление концепции конституционной идентичности в практике польского Конституционного трибунала (*далее — Трибунал*) тесно связано, как и в Венгрии, с процессом европейской интеграции. На это указывает время возникновения данной концепции в практике Трибунала Польши. Фактически до 2010 года она ни разу не упоминалась Трибуналом²⁰. Кроме того, следует отметить, что эта концепция является результатом восприятия опыта, полученного из немецкой и итальянской правоприменительной практики. Так, М. Зюлковский, рассматривая генезис польской конституционной идентичности, указывает на то, что «это была скорее конституционная рецепция, чем подлинно местная концепция»²¹. Учёный также отмечает, что открытие концепции в польской судебной доктрине было обусловлено внешними, а не внутренними причинами, хотя обстоятельства польской конституционной истории «давали идеальный материал для построения конституционной идентичности»²². Таким образом, можно констатировать, что обстоятельства происхождения судебных доктрин конституционной идентичности в Польше и Венгрии во многом сходны. В случае этих двух стран концепция была явно реципирирована, являлась результатом своеобразной «конституционной трансплантации»²³.

Есть ещё один важный аспект, который сближает две доктрины конституционной идентичности: общим мотивом их создания было стремление к защите верховенства конституции, борьба со сверхполномочиями наднациональных органов. Так, Трибунал прямо заявляет, что «последнее слово в отношении польской Конституции» будет принадлежать ему, а не наднациональным органам (Суду Европейского Союза). Отстаивание примата конституции в спорах о праве «последнего слова» с Люксембургским судом приводит обе страны к необходимости создания эффективного барьера, «судебного щита» (от последовательной конституционализации права ЕС и судебного активизма Суда ЕС)²⁴.

²⁰ См.: Constitutional Tribunal of Poland. K 32/09. Decision of 24 November 2010. URL: <https://trybunal.gov.pl/postepowanie-i-orzeczenia/wyroki/art/4867-traktat-z-lizbony> (дата обращения: 05.05.2025).

²¹ Ziółkowski M. Constitutional Identity in Poland: Transplanted and Abused // The Jurisprudence of Particularism. National Identity Claims in Central Europe / ed. by K. Kovács. Oxford : Hart Publishing, 2023. P. 127–148, 127.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 128.

²⁴ В последнее время многие учёные указывают на тенденцию конституционализации права ЕС и права Конвенции. В отношении Суда ЕС и ЕСПЧ часто используются такие термины, как «теневой конституционный суд», «суд договора о модели общества». Всё это указывает на расширение радиуса действия «права договоров» на все внутренние нормы национальных правопорядков, включая конституции. В основе этого процесса лежат идеи о конституционализации европейского правопорядка, создании «космополитической конституции» с непредсказуемым содержанием, постоянно расширяемым с помощью судебского правотворчества. О «космополитической конституции» для Европы см.: Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. New York : Oxford University Press, 2009; Sweet A.S., Stranz K. Rights Adjudication and Constitutional Pluralism in Germany and Europe // Journal of European Public Policy. Vol. 19. 2012. No. 1. P. 92–108; Нуссбергер А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод — Конституция для Европы? // Международное правосудие. 2019. № 2 (30). С. 3–19, 15–16.

Все указанные выше факторы оказали огромное влияние на формирование концепции конституционной идентичности, как с точки зрения используемой Судом дефиниции, так и соответствующих юрисдикционных полномочий Суда по *identity review*.

Рассмотрим особенности дефиниции, используемой Трибуналом Польши при определении конституционной идентичности, а также некоторые приёмы, относящиеся к методологии её идентификации. Впервые конституционная идентичность (пол.: *tożsamość konstytucyjna*) была упомянута в решении по делу о *Лиссабонском договоре* от 24 ноября 2010 года²⁵. Необходимо отметить, что термин «конституционная идентичность» не встречается в тексте Конституции Польши (в отличие от Конституции Венгрии). Соответственно, перед Трибуналом стояла задача выработки концепции конституционной идентичности. Как мы указывали выше, концепция была реципирирована и не основывалась на местном конституционном опыте. Трибунал утверждает, что при концептуализации доктрины он опирался на аналогичные precedents Федерального конституционного суда Германии и Конституционного совета Франции²⁶. В данном решении термин «идентичность» используется сразу в нескольких контекстах: а) конституционная идентичность (как суть конституции, абсолютный предел передачи суверенных полномочий); б) идентичность нации или национальная идентичность (национальные, религиозные и культурные особенности государства); в) аксиологическая идентичность Польши и ЕС (сближение с правовым правопорядком ЕС). Все эти разные идентичности пребывают в сложном динамическом взаимодействии, влияя друг на друга (в особенности первая и вторая из них).

Значение термина «конституционная идентичность» раскрывается в пункте 3 параграфа 2.1 данного решения как «концепт, определяющий области, которые исключаются из передачи полномочий», так как они связаны с «фундаментальными основами» польского государства, его идентичностью²⁷. Кроме того, эти «исключённые области» являются пределом передачи полномочий, так как они непосредственно связаны с суверенитетом и являются неотчуждаемыми. Трибунал указывает, что «статья 90(1) и 91(3) Конституции не разрешают делегирование международной организации полномочий по изданию правовых актов или принятию решений, противоречащих Конституции, являющейся высшим законом Республики Польша (статья 8). Одновременно эти положения не разрешают делегирование полномочий в такой степени, чтобы это означало неспособность Республики Польша продолжать функционировать как суверенное и демократическое государство»²⁸.

Исходя из вышесказанного, можно выделить некоторые особенности конституционной идентичности Республики Польша: а) конституционная идентичность выступает пределом передачи суверенных полномочий и связана суверенитетом; б) конституционная идентичность основана на Конституции Республики Польша (устанавливается приоритет конституции); в) перечень суверенных полномочий, связанных с «фундаментальными основами» политической системы польского государства, является неопределенным (нет чёткого указания на конкретные положения или раздел Конституции Польши); г) концепция имеет «защитную направленность» и ориентирована на реализацию внешней функции конституционной идентичности.

²⁵ Constitutional Tribunal of Poland. K 32/09. Decision of 24 November 2010. § 2.1.

²⁶ См.: BVerfG. *Lissabon*. Urteil des Zweiten Senats vom 30. Juni 2009 aufgrund der mündlichen Verhandlung vom 10. und 11. Februar 2009; Conseil constitutionnel. Loi relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information. Décision n° 2006–540 DC. 27 juillet 2006.

²⁷ Constitutional Tribunal of Poland. K 32/09. Decision of 24 November 2010. § 2.1.

²⁸ Ibid.

Суммируя все указанные особенности, можно констатировать, что концепция конституционной идентичности в Республике Польша выступает своего рода противовесом концепции европейского многоуровневого конституционализма, подразумевающее выстраивание общеевропейского конституционного пространства (основанного на субординации национальных правопорядков и примате права ЕС по отношению к положениям национальных конституций)²⁹. Нельзя не отметить также наличие очевидных параллелей с венгерской моделью. Так, обе модели концептуализации конституционной идентичности акцентированы на национальном суверенитете и примате национальных конституций (что автоматически приводит к отрицанию примата права ЕС, а также всех концепций, которые на нём основаны — концепции *ius commune europeum*, концепции многоуровневого конституционализма и других)³⁰. На эту общность двух моделей обращают внимание некоторые конституционалисты, например, её отмечают П. Цебулак³¹ и А. Кустра³².

Ещё одной общей чертой является неопределенность в формулировке содержания конституционной идентичности. Польский Трибунал уклоняется в своих решениях от неоднозначного указания на текстуальные источники «фундаментальных основ и принципов» Конституции, делегирование которых исключается. Более того, органы конституционной юстиции в Венгрии и Польше прямо указывают на то, что не собираются создавать подобный перечень «базовых структур», неотчуждаемых принципов и норм с указанием их текстуальных источников (в отличие от аналогичной немецкой доктрины, где «базовые структуры» всегда привязаны к конкретным «вечным» положениям немецкой конституции). Безусловно, такой подход к определению источников конституционной идентичности будет оказывать влияние и на конституционный контроль идентичности. По справедливому замечанию М. Зюлковского, «как конституционную идентичность определяют, так её и защищают»³³. Учёный отмечает, что такая трактовка идентичности Трибуналом является «серьёзным злоупотреблением»³⁴. Является ли таким подходом Трибунала к содержанию конституционной идентичности — вопрос неоднозначный. Здесь скорее следует указывать на его существенные отличия от аналогичных доктрин Германии и Италии. Вместе с тем необходимо рассмотреть и аргументы противоположной стороны. Так, Лех Моравски (один из судей Трибунала) указывает,

²⁹ Теория «многоуровневого конституционализма» основана на безусловном праве «последнего слова» в рамках любого диалога с национальной юрисдикцией. Так, судья П. Пинту ди Альбукерке полагает, что право Конвенции и право Европейского Союза схожи по своему характеру, так как и то, и другое ограничивает суверенитет. Соответственно, решения Люксембургского суда (так же как и Страсбургского суда) не могут быть пересмотрены или частично скорректированы, даже если они противоречат национальным конституциям. См.: European Court of Human Rights (*далее — ECtHR*). *G.I.E.M. S.r.l. and Others v. Italy* [GC]. Applications nos. 1828/06, 34163/07, 19029/11. Judgment of 28 June 2018. Partly concurring, partly dissenting opinion of judge Pinto De Albuquerque. § 86.

³⁰ А. Следзинская-Симон и М. Зюлковский отмечают, что «польская юридическая наука ясно показывает, что конституционная система страны предполагает собственную иерархию правовых норм, включая компетенцию Конституционного трибунала по рассмотрению вопроса о том, совместимо ли наделение ЕС полномочиями, а также их осуществление с Конституцией». См.: *Sledzinska-Simon A., Ziolkowski M. Constitutional Identity of Poland: Is the Emperor Putting on the Old Clothes of Sovereignty?* 2017. 5 July. P.21. URL: <https://ssrn.com/abstract=2997407> (дата обращения: 05.05.2025).

³¹ См.: *Cebulak P. Inherent Risk of the Pluralist Structure: Use of the Concept of National Constitutional Identity by the Polish and Czech Constitutional Courts* // *Croatian Yearbook of European Law and Policy*. Vol. 8. 2012. P.473—504.

³² См.: *Kustra A. The Polish Constitutional Tribunal and the Judicial Europeanization of the Constitution* // *Yearbook of International Law*. Vol. 35. 2015. P.193—216.

³³ *Ziolkowski M. Op. cit. P.147.*

³⁴ *Ibid.*

что противоречия в вопросе оценки концепции польской конституционной идентичности скорее является политически мотивированным³⁵. По его мнению, это же самое характерно и для внутреннеполитических дебатов о существенных параметрах евроинтеграции, где спор идёт между правительственною партией «Право и справедливость» («защитающей государственный суверенитет») и оппозицией («предвзятое полную зависимость от ЕС»)³⁶. Он отмечает, что доминирующая интерпретация Лиссабонского договора не учитывала, что конституционная идентичность может быть основана на различиях в понимании одних и тех же фундаментальных ценностей (общих как для национального, так и для европейского правопорядка)³⁷. По сути, Л. Моравски констатирует отсутствие аксиологического единства Польши и ЕС.

Следует обратить внимание, что формулировки дефиниции отсылают к ещё одной немецкой судебной доктрине — контролю *ultra vires*. Данная доктрина, выработанная Федеральным конституционным судом Германии, наделяет орган конституционной юстиции полномочиями по проверке актов органов ЕС на предмет соответствия предоставленным им суверенным правам³⁸. Доктрина решает потенциальную проблему присвоения органами и учреждениями ЕС сверхполномочий, выходящих за границы, предусмотренные Лиссабонским договором. В немецкой прецедентной практике *constitutional identity review* и *ultra vires review* хоть и взаимосвязаны, но никогда не смешиваются. Очевидно, что Трибунал объединяет оба вида контроля в своей дефиниции конституционной идентичности. Границей передачи полномочий выступает не расширенное толкование Договора (фактическое изменение), а простое противоречие Конституции³⁹. Таким образом, параллели с немецкой доктриной *ultra vires review* являются ещё одной важной особенностью польской доктрины, наряду с указанными нами выше характеристиками. Следует отметить, что для венгерской модели конституционной идентичности такие параллели в целом не характерны.

Наше описание содержания польской конституционной идентичности было бы неполным без указания на ещё один её компонент — идентичность нации или национальную идентичность. Трибунал в своих решениях неоднократно подчёркивал, что между конституционной идентичностью Польши и национальной идентичностью существует определённая связь. Например, в своём решении от 16 ноября 2011 года Трибунал подчёркивает, что «конституционная идентичность остаётся в тесной связи с понятием национальной идентичности» и «включает традиции и культуру»⁴⁰. Потенциально, как и в случае Венгрии, это указывает на возможность расширения границ контроля идентич-

³⁵ См.: Morawski L. A Critical Response // Verfassungsblog. 2017. 3 June. URL: <http://verfassungsblog.de/a-critical-response/> (дата обращения: 05.05.2025).

³⁶ Несмотря на то что правящая партия «Право и справедливость» (PiS) получила большинство голосов на последних выборах в Сейм (прошедших в 2023 году), она не смогла сохранить абсолютное большинство в парламенте и сформировать правительство и теперь находится в оппозиции новому правящему блоку («Гражданская платформа» — «Третий путь» — «Новые левые»).

³⁷ См.: Morawski L. Op. cit.

³⁸ В немецкой судебной доктрине контроль *ultra vires* последовательно отстаивался Федеральным конституционным судом Германии в целом ряде прецедентных решений. См.: BVerfG. *Lissabon*. Urteil des Zweiten Senats vom 30. Juni 2009 aufgrund der mündlichen Verhandlung vom 10. und 11. Februar 2009. § 2; *Maastricht*. Urteil des Zweiten Senats vom 12. Oktober 1993 aufgrund der mündlichen Verhandlung vom 1. und 2. Juli 1993. Bd. 89. S. 155; *Ultra-vires-Kontrolle Honeywell*. Beschluss des Zweiten Senats vom 6. Juli 2010. Bd. 126. S. 286; *Ultra vires-Kontrolle OMT*. BvR1390/12.

³⁹ Так, Трибунал в категоричной форме указывает, что принятие Польши в ЕС не подрывает верховенство Конституции в правовом порядке Польши: «вступление Польши в ЕС не означает изменение Конституции». См.: Constitutional Tribunal of Poland. K 18/04. Decision of 11 May 2005. § 24.

⁴⁰ Constitutional Tribunal of Poland. SK 45/09. Decision of 16 November 2011.

ности, отступление от «позитивистской» методологии её идентификации. В отличие от аналогичной венгерской доктрины, Конституционный суд Польши не включает нематериальный компонент в дефиницию польской идентичности. Он формулирует отдельное понятие «польской национальной идентичности», имеющей «европейские корни» и вытекающей из национальной истории, культуры и традиций. Фактически эта категория в решениях Трибунала остаётся не прояснённой в части её влияния на конституционный контроль. Однако некоторые учёные полагают, что «Трибунал оперировал двумя различными, но при этом взаимосвязанными концепциями идентичности. Во-первых, юридическая и узкая концепция конституционной идентичности охватывала институты и полномочия. Во-вторых, культурная концепция национальной идентичности охватывала польские исторические и культурные обязательства и стремления, как это было выражено в Преамбуле Конституции»⁴¹. В пользу этой точки зрения говорит резонансное решение Трибунала от 22 октября 2020 года, в котором он исходил не столько из буквы Конституции, сколько из традиций и культуры (Трибунал явно учитывал в этом деле особенности «идентичность Нации»)⁴². М. Зюлковский справедливо отмечает, что цеплый ряд дел последнего времени поставил под сомнение аксиологическое единство Польши и Европейского Союза. Приводя в качестве примеров право на справедливый суд и право на вступление в брак и уважение к семейной жизни, он показывает, что как толкование, так и реализация этих основных прав в Польше расходятся с общепринятыми европейскими стандартами.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря все внешние различия, касающиеся формулировок, польский и венгерский подходы сближаются по целому ряду принципиальных позиций (особенно в части установления однозначного примата конституции и тесной связи с суверенитетом). Конституционные суды Венгрии и Польши открыты к диалогу только в случае дружественной интерпретации их национальных конституций со стороны органов и учреждений ЕС. Правительства Польши и Венгрии не только стремятся сохранить свою конституционную идентичность, но и пытаются вернуть себе «старую одежду» национального суверенитета.

4. Чехия и Словакия

Происхождение судебной доктрины конституционной идентичности в Чешской Республике и Словакии, как и в других странах Вышеградской группы, было непосредственно связано с европейской интеграцией (с фундаментальной проблемой распространения приоритета права ЕС на национальные правопорядки)⁴³. Как справедливо отмечают ав-

⁴¹ Ziókowski M. Op. cit. P. 130.

⁴² В ходе судебного разбирательства члены Трибунала признали не соответствующим Конституции положение, которое позволяло делать аборты по медицинским показаниям, связанным с тяжёлыми заболеваниями или необратимыми пороками, угрожающими жизни плода. В своём выступлении председательствующая в суде Ю. Пшилемская отметила, что разрешение на аборт «легализует евгеническую практику в отношении ещё не родившегося ребёнка, тем самым отказывая ему в уважении и защите достоинства». Суд пришёл к выводу, что, поскольку Конституция Польши защищает право на жизнь, аборт на основании оценки состояния плода следует считать «запрещённой формой дискриминации». Такая специфическая форма интерпретации права на жизнь явно в большей степени основана на религиозных (католических) традициях, вытекающих из национальной истории Польши, а не «букве» Конституции. См.: Constitutional Tribunal of Poland. K 1/20. Decision of 22 October 2020.

⁴³ Существует разница между европейским первичным правом, которое состоит из международных договоров, заключённых государствами-членами, и европейским вторичным правом (нормативными актами, директивами), которое может быть принято против воли государства-члена. Позиция Люксембургского суда (главного сторонника федерализации Европейского Союза) состоит в том, что законодательство Союза

торы коллективной монографии «Constitutional Identity and European Union Axiology — Perspective of Central European States», есть объективная необходимость в «поиске безопасного баланса между тенденцией развития, направленной на укрепление правовой и политической субъектности ЕС», и потребностью его членов «поддерживать независимые структуры своей государственности»⁴⁴. Эта потребность наиболее ярко выражена у государств Центральной и Восточной Европы. Доктрины конституционной идентичности, несмотря на различия в подходах к их определению, выступают в качестве правового механизма, который смягчает интеграционные процессы, обеспечивая стабильность политических систем государств — членов ЕС. Они не позволяют властям ЕС предпринимать какие-либо действия, направленные на исправление, пересмотр или полное изменение конституционной идентичности государств-членов.

В рамках этого политico-правового контекста следует рассматривать конституционный опыт развития доктрины конституционной идентичности во всех странах Вышеградской группы, включая Чехию и Словакию. Выработка доктрины в этих странах была направлена на смягчение последствий последовательной программы по интеграции правового пространства ЕС⁴⁵. Соответственно, исходный пункт состоял в дополнительной аргументации примата национальной конституции, отказа от безусловного первенства права ЕС. Сославшись на «амортизационную» оговорку в Договоре о Европейском Союзе (положения статьи 4(2) об уважении национальной идентичности), суды установили однозначный примат конституции. Так, в решении по делу *о Лиссабонском договоре* Конституционный суд Чехии фактически устанавливает примат Конституции: «...в случае явного конфликта между Конституцией государства и европейским правом, который не может быть разрешён путём какого-либо разумного толкования, конституционный порядок Чешской Республики, в частности его материальная основа (материальное ядро конституции. — О.Б., С.Б.), должен иметь преимущественную силу»⁴⁶. Конституционный суд Словакии в своих двух решениях приводит аналогичную аргументацию о существовании неизменяемого материального ядра конституции, пересмотр которого ведёт к неизбежной утрате суверенитета⁴⁷.

Также, в решении по делу *о Лиссабонском договоре* Конституционный суд Чехии при обосновании своей позиции использует, по сути, те же доводы, что и польский Трибунал: «...после ратификации Договора о присоединении верховенство конституционного строя не утратило своего значения... передача “конституционной” компетенции международной организации недопустима»⁴⁸.

В части установления примата конституции тем не менее используются более осторожные формулировки (в сравнении с Венгрией и Польшей), констатируется аксиологическое единство национальной конституции (её материального ядра) и Лиссабонско-

(в том числе вторичное) имеет преимущественную силу над законодательством государства-члена, включая национальную конституцию. См.: Court of Justice of the European Union. *Yvonne van Duyn v Home Office*. Case 41/74. Judgment of 4 December 1974; *Criminal proceedings against Tullio Ratti*. Case 148/78. Judgment of 4 December 1974.

⁴⁴ Pastuszko G. Introduction // Constitutional Identity and European Union Axiology — Perspective of Central European States / ed. by G. Pastuszko. Warsaw : Wydawnictwo Szkoły Wyższej Wymiaru Sprawiedliwości, 2022. P.7–21, 7.

⁴⁵ См.: Ibid.

⁴⁶ Constitutional Court of Czech Republic. *Treaty of Lisbon I*. Pl. ÚS 19/08. Decision of 26 November 2008. § 85. URL: <https://www.usoud.cz/en/decisions/2008-11-26-pl-us-19-08-treaty-of-lisbon-i> (дата обращения: 05.05.2025).

⁴⁷ См.: Constitutional Court of Slovakia. Pl. ÚS 21/2014-96. Decision of 30 January 2019.

⁴⁸ Constitutional Court of Czech Republic. *Treaty of Lisbon I*. § 94.

го договора: «...ценности, упомянутые в статьях 2 и 7 Договора о Европейском Союзе, в целом соответствуют ценностям, на которых основано материальное ядро Конституции Чехии... в этом отношении Лиссабонский договор соответствует неприкосновенным принципам, защищаемым конституционным строем Чехии»⁴⁹.

Подход к определению конституционной идентичности и некоторых аспектов её выражения в Чехии и Словакии отличается определённой оригинальностью (соответственно, по этому критерию их можно выделить в отдельную группу). Обоснование подходов двух стран в самостоятельную группу, с нашей точки зрения, является оправданным. Так, конституционные суды Чехии и Словакии используют идентичную терминологию («материальное ядро» вместо «конституционной идентичности»), в части аргументации и методологии идентификации «материального ядра» конституции также можно найти много общего. Это можно объяснить тем, что в период с 1918 по 1992 год Чехия и Словакия существовали в рамках единого государства.

Главной особенностью в определении конституционной идентичности в случае Чехии и Словакии является последовательное избегание устоявшегося термина «конституционная идентичность». В судебных доктринах двух стран его эквивалентом выступает другой термин — «материальное ядро конституции» (или «конституционное ядро»). Доктрина «материального ядра конституции» впервые упомянута в решениях Конституционного суда Чехии, принятых в 2006 году (по делам *o квотах на сахар*, а также *o европейском ордере на арест*)⁵⁰. В решении по делу *Sugar Quotas III* Суд говорит о существовании материальных пределов, за рамки которых делегирование суверенных полномочий Чешской Республики недопустимо, так как это угрожает самой «сущи государственного суверенитета Чехии». Ими выступают «основополагающие элементы демократического государства»⁵¹.

В решении по делу *European Arrest Warrant* Суд повторяет и уточняет эти формулировки, уже прямо указывая на «материальное ядро Конституции» как на «фундаментальные основы демократического правового государства». Эти базовые основы являются абсолютным пределом конституционных изменений Чешской Республики. Причём, в отличие от правовых позиций конституционных судов Венгрии и Польши, Конституционный суд Чехии подчёркивает как внешнюю, так и внутреннюю направленность доктрины материального ядра конституции (она выступает аналогичным пределом изменения конституции и для законодателей в Сенате)⁵². В последующих решениях Суд развивает более чёткое понимание конституционной идентичности и использует для определения материального ядра конституции формулировку «важнейшие требования демократического, правового государства, изменение которых недопустимо в соответствии с пунктом 2 статьи 9 Конституции»⁵³. Чешские конституционалисты считают доктрину материального ядра конституции и аналогичные доктрины конституционной идентичности Польши и Венгрии эквивалентными (с некоторыми оговорками), находя ряд

⁴⁹ Ibid. Reasoning of the Constitutional Court's Judgment.

⁵⁰ См.: Constitutional Court of Czech Republic. *Sugar Quotas III*. Pl. ÚS 50/04. Decision of 8 March 2006; *European Arrest Warrant*. Pl. ÚS 66/04. Decision of 3 May 2006.

⁵¹ Constitutional Court of Czech Republic. *Sugar Quotas III*. Part VI.

⁵² Эта позиция Конституционного суда Чехии остаётся неизменной, что находит подтверждения в его прецедентной практике, например в решении: Constitutional Court of Czech Republic. *Slovak Pensions XVII*. Pl. ÚS 5/12. Decision of 31 January 2012.

⁵³ Constitutional Court of Czech Republic. *Treaty of Lisbon I*. § 93.

общих черт в подходах высших судов этих государств к содержанию и идентификации конституционной идентичности⁵⁴.

Конституционный суд Словакии обращается к доктрине материального ядра конституции значительно позже своих чешских коллег — в 2019 году. Ввиду исторической близости двух стран общий вид данной доктрины и сам термин «материальное ядро» явно являются родственными или даже заимствованными (из аналогичной чешской доктрины). В основе доктрины материального ядра конституции лежит идея о наличии неизменяемых основ конституционного строя (идентичности конституции), имеющих преимущество в отношении любых актов наднациональных органов⁵⁵. Подход отличается лишь в некоторых деталях. Так, для обозначения конституционного ядра Суд использует термин *implicitného materiálneho jadra* (имплицитное материальное ядро), так как в Конституции Словакии отсутствует явное, эксплицитное ядро (в виде неизменяемых, «вечных» положений).

Подход к содержанию конституционной идентичности (материального ядра) отличается неопределенностью (сознательной), что сближает доктрину материального ядра с аналогичными доктринаами стран Вышеградской группы. Так, в решении по делу о *Лиссабонском договоре* Конституционный суд Чехии не стал прояснить текстуальное содержание материального ядра конституции. Суд также заявил, что не собирается создавать подробный перечень неизменяемых положений в будущем⁵⁶. Позиция Конституционного суда Словакии в этом вопросе аналогична чешской доктрине⁵⁷. В целом в части описания содержания материального ядра суды всех стран Вышеградской группы идут общим путём — отказываются от выделения конкретного перечня «базовых структур» конституции.

Ещё одной важной особенностью концептуализации доктрины конституционной идентичности являются сравнительно редкие упоминания концепции национальной идентичности и других нематериальных компонентов идентичности. В решении по делу о *Словацких пенсиях* Конституционный суд Чехии, конечно, упоминает общие исторические условия формирования двух государств как важный фактор конституционного развития Чехии, но, по нашему мнению, вряд ли этот «исторический фактор» является частью конституционной идентичности Чехии⁵⁸. Определённое мнение о роли этого концепта можно будет высказать в будущем и только в том случае, если он будет использован при идентификации положений материального ядра конституции. В Венгрии и Польше этим нематериальным компонентам идентичности уделяется гораздо больше внимания. Например, как мы указывали выше, в Венгрии одним из основных компонентов конституционной идентичности выступает историческая конституция. Следует принять во внимание, что чешские учёные Д. Косарж и Л. Выгнанек по этому вопросу придерживаются иного мнения. Они утверждают, что чешская конституционная иден-

⁵⁴ См.: Kosař D., Vyhnanek L. Constitutional Identity in the Czech Republic // Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism / ed. by C. Calliess, G. van der Schyff. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P.85–113; Miháliková V. Národná identita českého štátu ako dôvod poskytnutia odlišnej miery ochrany základných práv v porovnaní s Chartou základných práv EÚ // Acta Universitatis Carolinae — Iuridica. Vol. 64. 2018. No. 4. P.39–52.

⁵⁵ См.: Constitutional Court of Slovakia. Pl. ÚS 21/2014-96. Decision of 30 January 2019. § 57.

⁵⁶ См.: Constitutional Court of Czech Republic. *Treaty of Lisbon I*. § 93.

⁵⁷ Конституционный суд Словакии указывает, что «вопрос о содержании имплицитного материального ядра конституции» будет проясниться *ad hoc*, то есть в конкретных решениях о «несовместимости конституционного закона с Конституцией». См.: Constitutional Court of Slovakia. Pl. ÚS 21/2014-96. Decision of 30 January 2019. § 93.

⁵⁸ См.: Constitutional Court of Czech Republic. *Slovak Pensions XVII. VII.*

тичность напрямую связана с «народной конституционной идентичностью», которая основана на уникальных исторических обстоятельствах возникновения чешской государственности⁵⁹. На наш взгляд, из решения самого суда это не следует, иначе он бы высказался по этому вопросу более конкретно, прямо включив нематериальный компонент в дефиницию.

В заключение можно отметить следующие особенности судебных доктрин конституционной идентичности Чехии и Словакии: а) конституционные суды Чехии и Словакии в части аргументации и методологии идентификации конституционной идентичности (материального ядра) придерживаются практически идентичных правовых позиций; б) как и в других странах Вышеградской группы, доктрина конституционной идентичности этих государств выступает в качестве правового механизма, который смягчает интеграционные процессы в Европе и определяет примат их конституций; в) функция доктрины не ограничивается исключительно внешними аспектами, при этом подчёркивается её естественно-правовая основа (суды распространяют её действие и на все внутренние нормы); г) содержание конституционной идентичности (материального ядра конституции), как и практике судов других стран Вышеградской группы, является неопределенным; д) влияние нематериальных факторов (традиций, культуры, религии и других) на концептуализацию идентичности не является определяющим.

5. Россия

Развитию отечественной доктрины конституционной идентичности посвящено множество исследований российских конституционалистов⁶⁰. Однако в большинстве случаев исследователи фокусируются на её сопоставлении с аналогичными доктринаами Германии и Италии. Безусловно, такие параллели являются во многом оправданными, так как конституционные суды Германии и Италии первыми (в семидесятые годы прошлого века) столкнулись с необходимостью «амортизации» примата европейского права в своих правопорядках. Остальные страны Европы (в том числе и Россия) прошли этот путь значительно позже и ориентировались при выработке национальных доктрин на «первооткрывателей» данной доктрины (в первую очередь Федеральный конституционный суд Германии и его полномочий по *identity control*). Однако не менее важным представляется сравнение конституционного опыта стран исходя из общности их исторической культуры, традиций, языкового родства. В этом контексте сравнение опыта стран Вышеградской группы и России представляется особенно плодотворным, учитывая их общую историю. Подробное рассмотрение всех аспектов, связанных с формированием отечественной доктрины конституционной идентичности, выходит за рамки нашего исследования. В данном разделе мы сравним основные особенности судебных доктрин конституционной идентичности стран Вышеградской группы и России.

⁵⁹ Kosař D., Vyhnanek L. Op. cit. P. 85.

⁶⁰ См., например: Зоркин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика: Доклад на Международной конференции в Конституционном Суде Российской Федерации (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 7–30; Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Международная научно-практическая конференция, 1 декабря 2017 года. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, 2017. С. 19–28; Белослудцев О.С. Конституционная идентичность в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022; Блохин П.Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6(127). С. 62–81.

Первое сходство заключается в том, что доктрина конституционной идентичности появилась в практике конституционных судов примерно в одно и то же время (в 2008 году в Чехии, в 2010 году в Польше, в 2015 году в России, в 2016 году в Венгрии, в 2019 году в Словакии), а также в том, что разработка этой доктрины была обусловлена одинаковыми причинами (конфликт юрисдикций). Стремление наднациональных и международных органов правосудия субординировать национальные конституционные суды, апеллируя к общеевропейским аксиологическим стандартам, привело к резкому росту конституционного индивидуализма (поиску конституционной самобытности) в странах Вышеградской группы. В России формирование доктрины конституционной идентичности было также связано преимущественно с внешними причинами — конституциализацией права Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и постепенным приятием Европейскому Суду по правам человека полномочий наднационального характера. «Экспансия» этого международного органа правосудия шла как на концептуальном уровне — идеи многоуровневого конституционализма, общеевропейского права (*ius cōmūne europeūm*), формирующегося на базе Конвенции, «суда договора о модели общества», так и на уровне практики — признание приоритета Конвенции по отношению к положениям национальных конституций⁶¹. Генезис доктрины в странах Вышеградской группы и Российской Федерации обнаруживает значительное количество сходных черт, что обусловлено наличием общих правовых проблем, требующих применения аналогичных юридических инструментов. Злоупотребление доктриной «живого инструмента» с целью расширения своих полномочий, эволюционное толкование Конвенции сближают позиции Люксембурга и Страсбурга по поводу права «последнего слова». Разумеется, ни одно положение текста Конвенции не предполагает передачу государствами-участниками суверенных прав в том объёме, на который претендует Европейский Суд — тогда бы право Конвенции имело бы статус, аналогичный наднациональному праву ЕС. Право «последнего слова» выводится из практики самого Европейского Суда. Так, судья П. Пинту ди Альбукерке отмечает: «В конце концов “линия Мажино”, однажды проведённая между правом Конвенции и правом Европейского Союза, исчезла»⁶². Близость или даже совпадение позиций ЕСПЧ и Суда ЕС по поводу права «последнего слова» делает тезис о схожести генезиса судебных доктрин стран Вышеградской группы и России вполне обоснованным и уместным. Важно отметить и оструту конфликта юрисдикций. Германия и Италия стремились к сближению с ЕС, а страны Вышеградской группы и Россия — к сохранению своей национальной специфики, акцентируя внимание на традициях и прошлом. В результате конфликт стал более поляризованным, особенно в вопросе о верховенстве национальных конституций. Поэтому обращает на себя внимание преимущественно защитная направленность судебных доктрин стран Вышеградской группы и России. Реализация так называемой внутренней функции конституционной идентичности либо акцентирована (Чехия и Словакия), либо вовсе отсутствует (Польша, Венгрия, Россия). В этой

⁶¹ См.: ECtHR: *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*. Application no. 19392/92. Judgment of 30 January 1998. § 29–30; *Open Door and Dublin Well Woman v. Ireland*. Applications nos. 14234/88, 14235/88. Judgment of 29 October 1992. § 67–69; *Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina* [GC]. Applications nos. 27996/06, 34836/06. Judgment of 22 December 2009. § 30; *Anchugov and Gladkov v. Russia* [First Section]. Applications nos. 11157/04, 15162/05. Judgment of 3 July 2013. § 108, 109, 111.

⁶² ECtHR, *G.I.E.M. S.r.l. and Others v. Italy* [GC]. Applications nos. 1828/06, 34163/07, 19029/11. Judgment of 28 June 2018. Partly concurring, partly dissenting opinion of judge Pinto De Albuquerque. § 90.

части у всех рассматриваемых нами стран имеется значительный потенциал для развития доктрины⁶³.

Кроме того, все указанные страны объединяет твёрдая позиция по признанию абсолютного примата национальных конституций. Соответственно, издание правовых актов или принятие решений, противоречащих конституции, является актом *ultra vires*. Передача суверенных полномочий по пересмотру и изменению любых положений конституции категорически исключается. Следует отметить, что Федеральный конституционный суд Германии, применяя так называемую технику *Solange*⁶⁴, всегда указывал только на конкретные нормы и принципы (раздел об основных правах Основного закона), а не весь текст конституции в целом. Это определяет специфику подхода к источникам конституционной идентичности.

В решениях органов конституционного правосудия стран Вышеградской группы преvalирует отказ от однозначного определения круга источников конституционной идентичности. Конституционный Суд РФ указывает на «базовые структуры» Конституции, такие как основы конституционного строя и права и свободы человека и гражданина, в качестве основного источника конституционной идентичности. Однако окончательные параметры конституционного контроля не предполагают какого-либо ограничительного эффекта этих «базовых структур» (проверка проводится «с точки зрения соответствия... положениям Конституции Российской Федерации»)⁶⁵. В результате содержание конституционной идентичности остаётся неопределенным. Суды стран Вышеградской группы прямо указывают на то, что источники конституционной идентичности будут выявляться *ad hoc*. Конституционный Суд РФ пока не выработал собственного подхода к методологии идентификации конституционной идентичности. Можно констатировать, что конституционные суды во всех рассматриваемых нами странах избегают строгого определения круга источников идентичности, поскольку стремятся защитить текст конституции в целом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что конституционные идентичности рассмотренных выше государств имеют определённые общие черты. Они проявляются, прежде

⁶³ Доктрина конституционной идентичности может выполнять «внутреннюю функцию». Так, конституционный опыт Индии и Израиля (а также Пакистана, Бангладеш, ЮАР, Нигерии и других стран), является примером иного функционального осмысливания конституционной идентичности. Данная концепция может служить своего рода демпфером для политических и идеологических разногласий внутри общества, ограничивая возможность изменения смысла конституции органами власти. Внутренняя функция конституционной идентичности проявляется в обеспечении устойчивости конституции в условиях политической нестабильности. В контексте сравнительного конституционного права эта доктрина (доктрина «базовых структур» конституции) становится важным инструментом для защиты основополагающих принципов конституции, таких как демократия, права человека, верховенство права и разделение властей. В отличие от индийской Конституции, российская Конституция является жёсткой (то есть включает подразумеваемые ограничения на изменение глав 1, 2 и 9). Однако потенциал внутренней функции конституционной идентичности можно использовать в отношении целого ряда изменяемых положений Конституции (в особенности это относится к положениям, которые вошли в Конституцию РФ после принятия поправок в 2020 году). См.: Белослудцев О.С. Борьба за идентичность Конституции Индии: в контексте реализации доктрины базовых структур // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 2. С. 28–36.

⁶⁴ Конституционный суд Германии в деле *Solange I* впервые сформулировал понятие конституционной идентичности как «базовых структур» конституции, которые являются «неотчуждаемой составной частью демократического самоопределения народа» и не подлежат изменению или пересмотру. См.: BVerfG. *Solange I*. Beschluss des Zweiten Senats vom 29. Mai 1974.

⁶⁵ См. статью 104.3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

всего, в защитной направленности доктрин, примате национальных конституций и акценте на суверенитете, а также в подходе к содержанию конституционной идентичности.

6. Выводы

Из приведённого выше анализа следует, что понятие конституционной идентичности в странах Вышеградской группы используется для обозначения своеобразия (самобытности) конституционных правовых порядков. Хотя формулировки могут варьироваться, позиции конституционных судов по ключевым аспектам во многом совпадают. В частности, это касается признания верховенства конституции и её неразрывной связи с государственным суверенитетом. Необходимо отметить уникальные черты судебных доктрин Польши и Венгрии. В этих странах, помимо самой конституции, в качестве источников конституционной идентичности выступают такие дополнительные элементы как национальная идентичность и историческая конституция. Конституционная идентичность в рассматриваемых государствах представляет собой уникальное сочетание двух идентичностей: национальной и конституционной. Этот вывод становится очевидным при анализе содержания конституционной идентичности, поскольку она включает в себя не только позитивные элементы, закреплённые в конституции, но и ряд нематериальных аспектов, тесно связанных с национальной идентичностью. Следует подчеркнуть, что подобное объединение двух идентичностей является нетипичным для концептуализации конституционной идентичности в таких странах, как Германия и Италия. Определения конституционной идентичности в Чехии, Словакии и России представляются более строгими (по сравнению с Венгрией и Польшей) с точки зрения используемых формулировок.

Кроме того, важной особенностью рассмотренных нами судебных доктрин является их защитный характер и акцент на внешней функции конституционной идентичности. При этом сама доктрина выступает своего рода противовесом концепции европейского многоуровневого конституционализма (в практике Конституционного Суда РФ «права Конвенции»), подразумевающего выстраивание общеевропейского конституционного пространства, основанного на субординации национальных правопорядков. Всё это указывает на то, что различия в оценке концепции конституционной идентичности в странах Центральной и Восточной Европы и России имеют скорее политическую подоплётку⁶⁶. С одной стороны, эта доктрина позволяет государствам защищать свои национальные интересы, суверенитет и культурные («традиционные») ценности. С другой стороны, её применение в качестве правового или конституционного концепта в ответ на внешнее давление может привести к внутренним конфликтам, ослаблению верховенства права и нарушению принципа добросовестного исполнения обязательств. То же самое можно сказать и о внутренних дебатах по ключевым параметрам евроинтеграции. Проблема заключается в том, что доминирующая трактовка Лиссабонского договора не учитывала, что конституционная идентичность может основываться на разном понимании фунда-

⁶⁶ Влияние политического фактора на генезис и развитие конституционной идентичности чрезвычайно велико. Существует авторитетная группа учёных (например, Г. Дж. Якобсон, М. Розенфельд, М. Ташнет, К. Уиттингтон и другие), для которых конституционная идентичность — это не столько конкретные конституционные нормы, сколько практики и политические действия, обусловленные определённым конституционным опытом. Соответственно, процесс её изменения тесно связан с политической волей и целесообразностью. Так, М. Ташнет в своей работе «Why the Constitution Matters» указывал, что «конституционный режим структурирует политику», и одновременно сам является следствием изменения политических условий. См.: Tushnet M. Op. cit.

ментальных ценностей, общих для национального и европейского правопорядков. Фактически между странами Центральной и Восточной Европы и ЕС отсутствует аксиологическое единство: государства этого региона отказываются воспринимать Лиссабонский договор как договор о «модели общества и государства».

Если признать, что Европейский Союз обладает собственной конституционной идентичностью, то можно утверждать, что он является конституционным проектом, основаным на либеральных принципах⁶⁷. Однако страны Центральной и Восточной Европы, такие как Польша и Венгрия, демонстрируют нелиберальные тенденции (права и человека трактуются скорее контекстуально, усиливается роль религии и «традиционных ценностей» и т. п.) в развитии своих конституционных идентичностей. Это приводит к усилению «конституционной дисгармонии» — наличию «конфликтующих, даже радикально несовместимых идей», дисгармонии между общеевропейской и национальными конституционными идентичностями⁶⁸. В европейских странах на формирование конституционного смысла большое влияние оказывает политico-правовой контекст европейской интеграции, идеи *ius commune europeum* и практика органов международного правосудия, основанная на праве «последнего слова» в любых спорах с национальными юрисдикциями. В результате возникает существенный разрыв между требованиями «универсальной европейской конституции» и желанием стран Вышеградской группы, сохранить свою национальную идентичность и особенности конституционных порядков, а также традиций, связанных с их прошлым. Диалог между юрисдикциями становится всё более конфронтационным и проблематичным, так как европейский проект основывался на предпосылке, что все государства-члены разделяют определённые общие ценности (как указано в статье 2 Лиссабонского договора). По нашему мнению, дальнейшая концептуализация конституционной идентичности в странах Центральной и Восточной Европы будет во многом определяться результатами внутренних политических процессов и разрешением фундаментального противоречия между национальными традициями, отражающими прошлое нации, и решимостью реформаторов превзойти это прошлое. Данный конфликт между консервативными и прогрессивными тенденциями в политическом дискурсе представляет собой ключевой фактор, влияющий на формирование конституционной идентичности в этих странах.

Библиографическое описание

Белослудцев О., Бухмин С. Конституционная идентичность стран Вышеградской группы и России: сравнительно-правовое исследование // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34. № 2 (163). С. 141–162. EDN GUXBXN.

⁶⁷ См.: Sadurski W. European Constitutional Identity?: Sydney Law School Research Paper No. 06/37. 2006. December. URL: <https://ssrn.com/abstract=939674> (дата обращения: 05.05.2025); Sweet A. S., Stranz K. Op. cit.; Нуссбергер А. Указ. соч. С. 15–16.

⁶⁸ Понятие конституционной дисгармонии (англ.: *disharmonic constitution*) вводят Г. Дж. Якобсон в таких своих работах: Jacobsohn G. J. Constitutional Identity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2010; Jacobsohn G. J., Roznai Y. Constitutional Revolution. New Haven, CT : Yale University Press, 2020.

Constitutional identity of the Visegrad group countries and Russia: a comparative legal study

Oleg Belosludtsev

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Law Institute of Mordovia State University named after N. P. Ogaryov, Saransk, Russia (e-mail: bos.perm@yandex.ru).

Sergey Bukhmin

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Senior Lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (e-mail: sbukhmin@yandex.ru).

Abstract

The article examines the peculiarities of the formation of the concept of constitutional identity in the countries of Visegrad Group and Russia. The thesis is substantiated that the genesis of identity in these countries was mainly related to external causes. The development of the doctrine was aimed at softening a consistent program of integration of the European Union legal space, stabilizing the political systems of the member states in the context of changing legal reality. In this regard, additional arguments were identified in favor of the priority of the national constitution and the rejection of the unconditional supremacy of EU law. The analysis of the factors that had a significant impact on the formation of doctrines of constitutional identity in the Visegrad Group countries is carried out. The article argues that, despite the differences in wording, the constitutional courts of the Visegrad Group countries apply similar approaches to defining and identifying constitutional identity. The uniqueness of the judicial doctrines of Poland and Hungary lies in the combination of national and constitutional identity, including intangible aspects related to national identity. Such a union of two identities is atypical for Western European countries (Germany and Italy). The definitions of constitutional identity in the Czech Republic, Slovakia and Russia are more strict than in Hungary and Poland. A distinctive feature of the judicial doctrines of the reviewed countries is their protective orientation, emphasis on the supremacy of national constitutions and sovereignty, as well as a special approach to the content of sources of constitutional identity. The implementation of the "internal" function of constitutional identity is either poorly emphasized (Czech Republic and Slovakia) or completely absent (Poland, Hungary, Russia). In this regard, all the countries under consideration have significant potential for further development of the doctrine. All these countries are united by a firm position on the recognition of the absolute primacy of national constitutions. Accordingly, the issuance of legal acts or the adoption of decisions that contradict the constitution is unacceptable. The transfer of sovereign powers to review and amend any provisions of the constitution is categorically excluded. In the absence of a cooperative dialogue between jurisdictions, these states are ready for dialogue only if their cultural and historical specifics and national identity are taken into account. The article also substantiates the conclusion that studying the experience of the Visegrad Group countries can be useful for Russia. It allows us to identify common features inherent in the constitutional identities of these states.

Keywords

constitution; constitutional identity; national identity; identity control; constitutional court; historical constitution; material core of the constitution; implicit material core; sovereignty; ultra vires control.

Citation

Belosludtsev O., Bukhmin S. (2025) Konstitutsionnaya identichnost' stran Vyshegradskoy gruppy i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Constitutional identity of the Visegrad group countries and Russia: a comparative legal study]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 34, no. 1, pp. 141–162. (In Russian).

References

- Bard P., Chronowski N., Fleck Z. (2022) *Inventing Constitutional Identity in Hungary*: MTA Law Working Papers. June. Available at: <https://jog.tk.hun-ren.hu/mtalwp/inventing-constitutional-identity-in-hungary> (accessed: 05.05.2025).
- Belosludtsev O. S. (2024) Bor'ba za identichnost' Konstitutsii Indii: v kontekste realizatsii doktriny bazovykh struktur [The struggle for the identity of the Indian Constitution: in the context of the implementation of the basic structures' doctrine]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya*, no. 2, pp. 28–36. (In Russian).
- Belosludtsev O. S. (2022) *Konstitutsionnaya identichnost' v doktrine konstitutsionnogo prava i praktike organov konstitutsionnoy yustitsii*: Dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional identity in the doctrine of constitutional law and practice of constitutional justice bodies: Cand. in law sci. diss.], Kazan'. (In Russian).
- Blokhin P. (2018) Sudebnaya doktrina konstitutsionnoy identichnosti: genezis, problemy, perspektivy [The judicial doctrine of constitutional identity: genesis, issues, and perspectives]. *Srovnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 6, pp. 62–81. (In Russian).
- Cebulak P. (2012) Inherent Risk of the Pluralist Structure: Use of the Concept of National Constitutional Identity by the Polish and Czech Constitutional Courts. *Croatian Yearbook of European Law and Policy*, vol. 8, pp. 473–504.
- Cloots E. (2016) National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*, vol. 45, no. 2, pp. 82–98.
- Drinoczi T. (2020) Constitutional Identity in Europe: The Identity of the Constitution. A Regional Approach. *German Law Journal*, vol. 21, no. 2, pp. 105–130.
- Gadzhiev G. A. (2017) Konstitutsionnaya identichnost' i prava cheloveka v Rossii [Constitutional identity and human rights in Russia]. In: *Pravo i gosudarstvo: kul'turologicheskoe izmerenie: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 1 dekabrya 2017 goda* [Law and state: cultural dimension: international scientific-practical conference, December 1, 2017], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Gumanitarnogo universiteta profsoyuzov, pp. 19–28. (In Russian).
- Gadzhiev G. A. (2017) O sudebnoy doktrine konstitutsionnoy identichnosti [On the judicial doctrine of constitutional identity]. *Sud'ya*, no. 12, pp. 31–35. (In Russian).
- Horváth A. (2019) „Nem ismerjük el az 1949. évi kommunista alkotmányt, mert egy zsarnoki uralom alapja volt, ezért kinyilvánítjuk érvénytelenségét“ [“We do not recognise the 1949 communist constitution because it was the basis of a tyrannical rule, therefore we declare it invalid”]. In: Patyi A. (ed.) *Rendhagyó kommentár egy rendhagyó preambulumról* [An unusual commentary on an unusual preamble], Budapest: Dialóg Campus Kiadó, pp. 403–486. (In Hungarian).
- Horváth A. (2021) History of Doctrine of the Holy Crown. In: Tóth E. (ed.) *The Hungarian Holy Crown and the Coronation Regalia*, Budapest: Országház Könyvkiadó, pp. 429–447.
- Hörcher F. (2017) Is the Historical Constitution of Hungary Still a Living Tradition? A Proposal for Reinterpretation. In: Górniewicz A., Szlachta B. (eds.) *The Concept of Constitution in the History of Political Thought*, Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 89–112.
- Jacobsohn G. J. (2010) *Constitutional Identity*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jacobsohn G. J., Roznai Y. (2020) *Constitutional Revolution*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. (2009) The Constitutionalization of International Law, New York: Oxford University Press.
- Kosař D., Vyhnaněk L. (2020) Constitutional Identity in the Czech Republic. In: Calliess C., vander Schyff G. (eds.) *Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85–113.
- Kustra A. (2015) The Polish Constitutional Tribunal and the Judicial Europeanization of the Constitution. *Yearbook of International Law*, vol. 35, pp. 193–216.

- Lukyanova E. (2020) Identichnost' i transformatsiya sovremennoogo prava [Identity and transformation of modern law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 29, no. 3, pp. 130–147. (In Russian).
- Mihálková V. (2018) Národná identita členského štátu ako dôvod poskytnutia odlišnej miery ochrany základných práv v porovnaní s Chartou základných práv EÚ [National identity of a Member State as a reason for granting a different level of protection of fundamental rights compared to the EU Charter of Fundamental Rights]. *Acta Universitatis Carolinae — Iuridica*, vol. 64, no. 4, pp. 39–52. (In Slovak).
- Morawski L. (2017) A Critical Response. *Verfassungsblog*. 3 June. Available at: <http://verfassungsblog.de/a-critical-response/> (accessed: 05.05.2025).
- Nußberger A. (2019) Evropeyskaya Konventsya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod — Konstitutsiya dlya Evropy? [The European Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — a Constitution for Europe?]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 2, pp. 3–19. (In Russian).
- Pastuszko G. (2022) Introduction. In: Pastuszko G. (ed.) *Constitutional Identity and European Union Axiology — Perspective of Central European States*, Warsaw: Wydawnictwo Szkoły Wyższej Wymiaru Sprawiedliwości, pp. 7–21.
- Radnóti S. (2012) A Sacred Symbol in a Secular Country: The Holy Crown. In: Tóth G. A. (ed.) *Constitution for a Disunited Nation: On Hungary's 2011 Fundamental Law*, Budapest: CEU Press, pp. 85–109.
- Sadurski W. (2006) *European Constitutional Identity?*: Sydney Law School Research Paper No. 06/37, December. Available at: <https://ssrn.com/abstract=939674> (accessed: 05.05.2025).
- Sledzinska-Simon A., Ziolkowski M. (2017) *Constitutional Identity of Poland: Is the Emperor Putting on the Old Clothes of Sovereignty?* 5 July. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2997407> (accessed: 05.05.2025).
- Sólyom L. (2012) *Az alaptörvény két fajtája: a történeti és a kartális alkotmány* [The two types of the fundamental law: historical and codified constitution] Available at: <https://jak.ppke.hu/uploads/articles/512112/file/Az%20alkotmány%20két%20fajtája%2020141205.docx> (accessed: 05.05.2025). (In Hungarian).
- Sweet A. S., Stranz K. (2012) Rights Adjudication and Constitutional Pluralism in Germany and Europe. *Journal of European Public Policy*, vol. 19, no. 1, pp. 92–108.
- Tóth G. A. (2018) Lost in Transition: Invisible Constitutionalism in Hungary. In: Dixon R., Stone A. (eds.) *The Invisible Constitution in Comparative Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 541–562.
- Tumanov V. A. (2010) O sravnennii raznotipnykh pravovykh system [On the comparison of different types of legal systems]. In: Tumanov V. A. *Izbrannoe* [Selected works], Moscow: Norma: INFRA-M, pp. 570–578. (In Russian).
- Tushnet M. (2010) *Why the Constitution Matters*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Whittington K. E. (1999) *Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Vörös I. (2015) Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years. *Südosteuropa*, vol. 63, no. 2, pp. 173–200.
- Ziolkowski M. (2023) Constitutional Identity in Poland: Transplanted and Abused. In: Kovács K. (ed.) *The Jurisprudence of Particularism: National Identity Claims in Central Europe*, Oxford: Hart Publishing, pp. 127–148.
- Zor'kin V. D. (2017) Konstitutsionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika. Doklad na Mezhdunarodnoy konferentsii v Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii (Sankt-Peterburg, 16 maya 2017 g.) [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice. Report at the International Conference at the Constitutional Court of the Russian Federation (Saint Petersburg, May 16, 2017)]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva*, no. 12, pp. 7–30. (In Russian).